

— Васька, иди скорее, там эти, артисты долбанные, опять дурью маются!

Ну, что там еще случилось? Но мастер сцены просто так бы не позвала.

— Иду! — отозвался я и оторвался от своего текущего занятия. Выход на сцену рядом, я только что оттуда пришел, убирал реквизит, там оставались трое, надо посмотреть, не учудили бы чего. Выхожу из кладовой и сразу слышу вероятную причину волнения мастера сцены. Звон клинков, опять дурачатся, блин, ну как дети эти актеры! Откидываю портьеру, оказываясь практически в центре сцены, и...

Зовут меня, как вы слышали, Васькой, ага, как кота. Мне четырнадцать годков от роду, но есть нюанс. Тело, которое называют Васькой, мне как бы не родное, о как. Более того, время и место моего пребывания тоже непривычное. Мне, тому, что и сидит нынче в этом мальчишке, тридцать девять лет, родился я в тысяча девятьсот восемьдесят пятом году, в Российской Федерации. Учился не очень хорошо, весь мой разум был поглощен спортом. Я — саблист. В раннем детстве мне попались на глаза фильмы о пиратах, рыцарях, казаках и прочих воинах ушедших эпох, и меня, что

называется, «унесло». В девять я в первый раз взял в руки настоящую саблю, дед дал, выпускать ее оттуда я уже не захотел. Пробыться куда-либо по спортивной лестнице я не мог, никто меня не продвигал, я же из простой семьи, да и рос в маленьком провинциальном городке, но на местном уровне достиг всего, что было возможно. К тридцати пяти меня нашли киношники, и четыре года я занимался постановками боев для дешевых фильмов. Не скажу, что мне не нравилось, но это не воспринималось мной всерьез. Да к тому же был за мной еще грешок, я рыбалку люблю, более того, жить без воды и рыбы не могу, а на это нужно время. Много времени. Поэтому никакой постоянной работы, по типу батрачества с рассвета и до субботы, никогда у меня не было.

Жил я и в общем-то не тужил особо, и вот она, большая з...ца! Знаете, каково это осознать себя в теле девятилетнего ребенка? Даже представить не сможете. Но мало кому-то было запихнуть меня в это тело, мне еще и экскурсию в другое время устроили, пожизненную. И ведь как засунули-то! Не в двадцатый, даже не девятнадцатый век, а конец восемнадцатого, о как.

Мой выход на сцену, с целью отобрать у актеров острые игрушки, закончился печально для меня. Они дурачились, имитируя бой на саблях, в момент моего появления будущий главный герой фильма сделал какой-то неуклюжий выпад в сторону своего сценарного «врага», а тот уклонился. Все бы ничего, но позади «врага» оказался я, и даже специально затупленная сабля вошла мне в живот. Ноги как-то предательски подогнулись,

задрожало все тело, и следующее, что я осознал очнувшись, было мое новое, детское тело.

Вокруг меня — деревня. Довольно много местных жителей, не думал даже, что в это время в деревнях столько народа живет. Не разговаривал ни с кем почти полгода. Делал, что велели, смотрел вокруг, стараясь запомнить и вникнуть, но сам молчал. Ладно бы еще во взрослое тело погрузили, а то в мальчишку, эх...

На дворе май, тепло, красиво, деревня все же, всегда мне в них нравилось. Только нравилось отдыхать... Как же мы измельчали в будущем! Дети от пяти лет пашут наравне со взрослыми с утра до ночи и что-то не жалуются. Мне было очень тяжело с первого дня, очень, чего уж скрывать, не приучен к такому труду и распорядку. Ладно ходить в каком-то рубище и босому, к этому вполне можно привыкнуть, подошвы за месяц железными становятся, но не иметь ни минуты свободного времени... Для меня это было жестоко.

Попал я в обычную деревенскую семью, детей пятеро, было бы больше, да померли, как узнал спустя время, аж трое. Раньше к этому проще люди относились, рожали и рожали, кто выживет, тот и выживет. Бр-р-р, принять это трудно, но лишь поначалу. Родители моего нового тела обычные люди, женщина, что стала мне матерью, рано постаревшая от тяжелого труда и бесконечных беременностей, выглядела очень плохо. На второй год своего пребывания в этой семье случайно узнал, что ей всего тридцать девять лет! Блин, она выглядела, на первый взгляд, лет на шестьдесят!

А вот батя был вполне видным мужиком. Бывший военный, унтер-офицер, списанный по ранению, но даже на одной ноге, вторую заменял протез, ходил вполне прямо и с достоинством, правда, после долгих хождений культи у него под протезом здорово кровила.

В той жизни я рано остался один на один с реальностью, родители оставили этот мир, когда я еще был мал, а тут аж две сестры, занозы, и два брата-акробата. Я, хоть и был младшим среди братьев, но не самым младшим в семье, люлей от старших не получал никогда. Все дело в теле, что мне досталось. Едва только осознал себя здесь, удивился почти сразу. Возрасту удивился. Ну не бывает таких девятилетних мальчишек! Здоровья у меня на троих хватит, вот уж когда начинаешь верить в естественный отбор. Рулетки как-то здесь не задалось, пришлось прикидывать на глаз, так вот, в девять лет я был ростом под метр шестьдесят, но ни рост удивлял, и даже не ширина плеч, с которой также все было в порядке. Удивила сила в этом теле, сила, выносливость и какая-то звериная ловкость. Я реально пахал без усталости целыми днями, когда втянулся, конечно, в первое время было тяжело, но лишь морально, нужно было осознать происходящее. А уж когда осознал...

О своей, теперь уже своей, необычайной ловкости я узнал случайно. Я с поля возвращался, шел по деревне, а тут... Ржание обезумевшей лошади, топот копыт и на этом фоне слабый, едва слышимый детский писк. Посреди улицы в пыли сидел маленький ребенок. Это девочка, наша соседка, ей всего пять лет, сидит, ревет, а встать и убежать не может. До

убежавшей от хозяев лошади остается какой-то десяток метров, мне до девочки примерно столько же, но она летит, а я иду неспешно. Это был даже не рывок, а что-то невероятное. Как потом рассказывала еще одна местная жительница, бабка Марья, девочку с дороги подхватил какой-то ветер... Наверное, вы уже понимаете, как с этого момента меня прозвали в деревне? Конечно, Васька-Ветер! А я тогда и сам объяснить не смог, как я успел совершить такой рывок. Повторить такую скорость я смог уже вскоре, когда отец решил начать учить меня фехтованию, точнее, рубке. Сказать, что батя был поражен моей скоростью и ловкостью, не сказать вообще ничего. Ведь как, он-то вояка, хоть и инвалид сейчас, но всю жизнь с саблей в руке, а тут сын, который никогда не обучался этой воинской науке, с легкостью парировал его учебные удары, да еще и сам атаковал, обозначив несколько ударов. Отец был обескуражен, а я лишь хмыкнул про себя. Еще бы, тело-то не знало этих моих ухваток, а вот разум... Понятно, что в реальном бою мне, наверное, пришлось бы туго, все же спортивное фехтование и бой вещи разные, но за счет ловкости моего нового тела я справлялся легко. Да и тело досталось на загляденье. У меня легко получалось воплощать все то, что было в голове, эх, а там ведь немало чего накопилось.

Деревня, в которой я оказался, стояла на Суре, речке спокойной, с тихими, почти пустынными берегами. Местность холмистая, река как будто прорубила себе проход среди этих зеленых холмов, кое-где словно украшенных белыми церквями. Как и сказал, деревня буквально на берегу и все свободное время, в основном вечерами и ночами,

я плавал. Залезал в реку уже в конце мая и заканчивал свои купания только в сентябре. Может, еще и это меня здорово закалило, ибо болеть за почти шесть лет не пришлось ни разу, а ведь очень боялся заболеть в этом времени, это же сразу кирдык. Кто тут будет лечить какого-то деревенского мальчишку? В одиннадцать лет я начал переплывать Суру, а это как бы непросто. Тут тебе и течение, и вода не самая теплая, а главное, ширина этой самой реки для мальчишки совсем немалая. Забыл уточнить, деревня находилась в Симбирской губернии. Ульяновская, если по моему прошлому, а в будущем вроде как будет уже к Нижнему относиться. Сура не Волга, но и не ручей, а здесь она еще и... Широкая, в общем, но у меня хватало сил переплыть ее, да и назад вернуться, хоть и не сразу. Сначала нужно было по берегу пройти с километр, ведь на таком течении здорово сносит, но справлялся. Правда, когда сделал это в первый раз, батя чуть не прибил, но пронесло, да и не смог бы он, даже если б сильно захотел. Покрепче родителя я буду, так вот.

А появился я здесь, точнее именно в этом теле, скорее всего тоже не просто так. Как вы знаете уже, зовут меня Васькой, обычное имя, так? А как вам факт того, что у нашей большой семьи есть своя фамилия, вообще-то здесь это скорее редкость, крестьянам фамилии были не нужны. Кочетковы мы, такая и была фамилия у моего нового отца. Я понимаю, что многим это ни о чем не говорит, но постараюсь пояснить. В будущем мне попадались несколько раз в различных репортажах и заметках упоминания о некоем воине прошлого, Василии

Кочеткове, называли его в тех материалах «Солдатом трех императоров». По скудным материалам, что оставила история своим потомкам, выходило, что человек этот прожил очень длинную и насыщенную событиями жизнь. Сто семь лет — показатель, знаете ли. Василий прослужил в армии чуть ли не восемьдесят из них, понятно, что не весь срок на передовой, но и это просто очуметь как много. Где только не воевал при правлении трех разных российских императоров Василий Кочетков, много раз был ранен, потерял ногу, неоднократно был награжден, даже «выдержал» в свое время экзамен на офицерский чин, но отказавшись, навсегда оставался простым унтер-офицером, до самой смерти. Легендарная личность. И вот теперь я и есть тот самый Василий Кочетков. Думаю, вряд ли тут, на рубеже восемнадцатого и девятнадцатого веков, может быть какой-то другой Василий с такой же фамилией, рожденный одновременно с моим новым телом и в той же местности. Да были, кроме этого, и другие признаки. Вот и предстояло мне, похоже, прожить такую длинную жизнь, да не просто так, а провести ее на войне.

Пока что я еще мальчишка, но уже вовсю готовлюсь к службе. Так наставляет отец, а он человек умный и повидавший много на своем веку, его стоит послушать. Да и вряд ли бы тот Василий смог прожить такую жизнь, если бы ничего не умел. Значит — будем учиться!

Жизнь в восемнадцатом веке неспешная, да что там, она просто медленная! Вроде за работой время обычно летит быстрее, чем когда ничего не делаешь, ан нет. Тут еще сказывается тот факт, что

день длится долго, ни фи́га не восьмичасовой рабочий день. Встал затемно и лег так же. В деревне работа есть всегда, за тебя ее никто не сделает, весь отдых зимой. Но у меня чуть не с первого дня и зимой работа. К своему удивлению, узнал, что здесь не ловят рыбу! Так, между делом, конечно, рыбалят, но в масштабах, так, чтобы прокормиться, нет. Объяснение тому я нашел быстро, все и просто, и сложно одновременно. Не хотели наши деревенские жители отвлекаться от основных дел, которых и без рыбалки много, на серьезную добычу, ведь ловля также потребует много времени, да еще и деньги нужны. Стыдно сказать, но в нашей деревушке не было ни одной лодки, даже самой плохонькой, а без нее тяжело; можно справиться, конечно, но с лодкой совершенно другой уровень. Но я же парень из двадцать первого века, удивлялся происходящему недолго, дольше искал возможность. Нашел, разумеется. Нет, я не начал добычу с голыми руками, зачем? Пошел в один из дней, по осени, прямо в село, к помещику, мне тогда всего десять было, совсем ребенок. Пошел не на поклон, я же себя уважаю. По опыту прошлой жизни я знал, что договориться можно со всеми, главное, найти подход. Переговорив для начала со своим новым отцом и узнав у него, что за человек этот самый помещик, хозяин этих земель, решил, что договориться вполне возможно. Задумал я простое и привычное в будущем дело, получить ссуду. Не знаю, как к такому здесь отнесутся, но попробовать стоило.

Село, в котором располагалась барская усадьба, находилось далековато, судя по времени в пути,

а шел я пешком, километров под двадцать, наверное, шел часа четыре, и это еще я быстро хожу. К моему удивлению, усадьба, как и само село, стояла вовсе не на реке, позже узнал, что до воды тут вообще не близко. Усадьба небольшая, господский дом всего на два этажа, да и по площади совсем не тянул на жилище барина. Добротный дом, с каменным первым этажом и красивым садом, занимал буквально соток десять, по моим меркам из будущего. Понятно, что тут вокруг все принадлежит помещику и рядом с домом огороды ему не нужны, но для меня было непривычно. В будущем-то мы привыкли, ставит кто-то дом, сразу огораживает всю свою землю забором и баста, а к здешним реалиям я был непривычен. Здесь наделы измеряются десятинами и имеют площадь в несколько десятков квадратных километров, на которых есть и деревни, и села, и леса с реками, как-то так, в общем.

— Здравия вам желаю, господин полковник, — после того, как попросил одну из дворовых девок, что всегда крутятся при усадьбе, доложить хозяину просьбу о встрече, дождался, когда тот соизволит выйти на крыльцо. На самом деле, в таком моем визите нет ничего особенного, я хоть и крестьянин, по сути, его собственность, да только и помещик не царь-император. Отец объяснил, что такие обращения вполне регулярны, мало ли какие могут быть вопросы, а наш хозяин из военных, так что человек вполне адекватный. Еще и поэтому, наверное, я решился на этот визит к нему. Был бы тут какой-нибудь чиновник, или просто богатый ублюдок, скорее всего и не пошел бы, но к отставному полковнику решился легко.

— О, малец, ты откуда? — натурально так удивился Павел Петрович, бывший полковник императорской армии. Мужчина крепкий, высокий, с приятным лицом, пышными усами и своими волосами. Кажется, в это время еще щеголяли в париках, а этот нет, да и далек он от двора, живет здесь постоянно, как вышел в отставку еще пять лет назад. Отец рассказывал, что полковник получил увечье в бою, сабельный удар по спине, поэтому служить более не мог. Молодец так-то, полковником в атаки ходил, это о чем-то да говорит.

— Отец кланяться велел да спросить, не выслушаете ли вы меня?

— А кто отец твой, почему сам не пришел? — полковник спускался с крыльца, подходя ближе.

— Унтер-офицер Кочетков, господин полковник, — начал я, но меня прервали.

— А, как же, помню-помню, что у меня неподалеку отличный солдат живет! Так ты, молодец, стало быть, сын Николая? Как звать-величать? — спрашивает вроде серьезно, не куражится надо мной.

— Василий Кочетков, господин полковник!

— Какой воин у Николая растет, скоро в армию?

— Пока не знаю, — чуть растерянно произнес я, — мне еще только десять...

— И впрямь рановато. — Кажется, отставной офицер и сам чуток растерялся, еще бы, внешность у меня... — Я думал, тебе лет четырнадцать, а то и пятнадцать, уж больно развит ты хорошо! Так зачем отец прислал?